

ЯРОСЛАВСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

Николай ЯКУШЕВ
1916 – 1983

Трагично сложилась его жизнь. Ее беды были частью общенародных испытаний. Только на войне побывать не довелось: доверия не оказали «врагу народа».

Николай Михайлович Якушев родился в Москве. В начале 20-х отец, заводской слесарь, от центра на Кубань поехал уполномоченным реквизирировать хлеб у станичников. Сын вырос там, закончил школу рабочей молодежи, поработал токарем, стал заводчиком в райкоме комсомола.

В 1933-м родитель перевелся в город Воронеж, чтобы сын поступил в облюбованный институт. Посылаемое отцами насилие вскоре бумерангом ударило по ним и их детям: Николая Якушева на третьем курсе педвуза арестовали. После 15 лет северных каторжных лагерей вышел на свободу, окончил с женой в Рыбинске.

Выпустил в Ярославском краю свои книжки, получил документ о реабилитации, был принят в Союз писателей (1963 г.), закончил в Москве Высшие литературные курсы. Вскоре за «распространение» запрещенного солженицынского письма получил проработку в КГБ, отхватил строгий выговор от Союза писателей, лишился работы и заработка. Кончилось все для «виновника» инфарктом и общей гнетущей опалой.

Из опубликованного теперь дневника поэта можно узнать, как его загоняли в угол дальше: рукопись машинаторски от плана издания отстранили, т. е. последней надежды лишили. Затем на полуночной остановке Николай Михайлович был однажды тяжело избит. Оказался в больнице, где вскоре умер. Похоронен в Рыбинске на Южном кладбище.

Посмертная книга Николая Якушева «Жил-был я» (стихи, дневник) в 1994 году удостоена премии имени поэта Ивана Сурикова.

Архангельск

*В этом городе белых ночей
прохожу я по улицам старым,
молодой, неуютный, ничей,
деревянным скрипя
протуаром.*

*До бесцельных скитаний охочу,
я брожу здесь без цели,
без смысла.
Слюдяная непрочная ночь
надо мною прозрачно нависла.*

*Без тоски, без вещей, налегке,
независимо — руки за спину —
выхожу к беспокойной реке,
встречный ветер плечом
отодвинув.*

*Скрыли гибкое тело Двины
злые оползны сизых туманов.
И влывает в пейзаж тишины
полуночное солнце обманом.*

*Вот сурово глядит на меня
из-под патины бурой металла,*

*медный всадник, сошедший
с коня,
опираясь на якорь устало...*

*Над округой возник
в полный рост,
нарушая величье покоя,
как от берега к берегу мост,
паровозный гудок за рекою.*

*Ночь пройдет! Завтра буду
другим.
Посмотрю из вагона в оконце:
скрылся город, где был я
любом,
где увидел бессонницу солнца.*

* * *

*Шмели, приникшие к репьям,
гроза шальная —
в три раската.
И ты опять как будто пьян,
Как было в юности когда-то.
Хмельные запахи цветов
несет черемуховый дождь.
С улыбкой думаешь о том,
что был и ты когда-то молод.*

*Гроза рванет из-за угла.
Дрожит под ветром
мокрый вереск...
И то, что молодость ушла,
ты понимаешь.
Но не веришь.*

* * *

*Облака над Кубанью,
за рекою — ажина.
Сколько парубков-парней
здесь война уложила!*

*Парни тверже металла, —
полегло их немало.
Их дыхание стало
теплым ветром с лимана.*

*Чибис тонко проплачет,
пролетающий мимо.
На крови их горячей
зацветает ажина...*

Рубрику ведет поэт
Василий ПОНОМАРЕНКО.